

Недавно Линь Яньхун получил особое «внимание» учителя Чжаньхэ в Башне Императорских Книг, о чём Чжан Цзяньи и другие тоже немного слышали.

Позже они узнали, что учитель Чжаньхэ дал Линь Яньхуну рукописную копию древнего текста, и специально пришли в его комнату посмотреть.

Естественно, такая рукопись с древними символами была очень необычной, но вскоре новизна прошла, и на смену ей пришло недоумение по поводу сложных и бесполезных знаний.

Они особенно не понимали, почему Линь Яньхун до сих пор так увлечён этим.

Линь Цзюань несколько раз говорил Линь Яньхуну, чтобы тот не «забывал о своём долге ради пустяков», но Линь Яньхун не соглашался.

Он собирался написать в резиденцию Линь, чтобы его отец Линь Цюндэ напомнил Линь Яньхуну, но на экзамене в зале Чжисюэ Линь Яньхун снова занял первое место, и, похоже, изучение древних текстов не сказалось на его учёбе, так что Линь Цзюань не смог найти повода написать отцу.

Они наконец поняли, что у Линь Яньхуна есть своя упрямая натура, и уговаривать его было бесполезно, поэтому решили оставить его в покое.

Однако на этот раз они пришли к Линь Яньхуну не по этому поводу.

Чжан Цзяньи с возбуждением достал маленькую книжку и положил её на стол Линь Яньхуна:

— Хватит смотреть на это, взгляни лучше сюда!

Он думал, что Линь Яньхун всё время проводит между кельей Баньсюэ, залом Чжисюэ и Башней Императорских Книг, да ещё и «погружён» в древние тексты, так что, возможно, он ещё не знает об этом.

Линь Яньхун посмотрел на книжку на столе: это была обычная рукопись без названия на обложке.

Чжан Цзяньи, видя, что Линь Яньхун долго смотрит на обложку, нетерпеливо открыл её.

Линь Яньхун продолжил читать содержимое — на самом деле, он лучше всех знал, что там написано.

Этот сборник состоял всего из двенадцати страниц, на которых были записаны двенадцать стихов, которые Линь Яньхун увидел в древнем свитке из Сюйми-цзецзы, все они принадлежали перу «Ли Бая».

Некоторые из них были неполными, но даже половина стиха была достаточно впечатляющей.

Это были двенадцать стихов, которые Линь Яньхун тщательно отобрал. Они не только имели источник в древнем свитке, но и были теми самыми, которые Линь Яньсин «сочинил на ходу» в своей «прошлой жизни».

На самом деле, в «прошлой жизни» люди не раз сомневались в авторстве Линь Яньсина, и одним из самых спорных моментов было то, что стиль его стихов настолько менялся, что иногда казалось, будто их писал совершенно другой человек.

Но если говорить о плагиате, то один или два стиха ещё можно объяснить — ведь человек с таким талантом вряд ли будет долго оставаться в тени, довольствуясь ролью призрачного автора.

Но Линь Яньсин постоянно создавал шедевры, что заставляло многих поверить, что этот незаконнорождённый сын клана Линь действительно обладал невероятным талантом.

Поэтому, даже испытывая сомнения, Линь Яньхун должен был признать, что в этом отношении он сильно уступал Линь Яньсину.

У него была своя гордость, и он не хотел становиться плагиатором, поэтому, даже зная наизусть стихи Линь Яньсина из «прошлой жизни» и имея представление о будущих работах некоторых поэтов, он никогда не думал «присваивать» чужие достижения для собственной выгоды.

Даже если эти стихи ещё не были опубликованы, и никто не знал бы, что они не принадлежат Линь Яньхуну.

Постепенно раскрывая секреты древнего свитка, Линь Яньхун почувствовал облегчение.

Он не знал, как Линь Яньсин смог прочитать эти тексты, но, судя по работам Ли Бая, можно было чётко увидеть, что его стиль был последовательным.

Эти величественные, свободные, свежие и изысканные строки, полные воображения и удивительных образов, раскрывали перед Линь Яньхуном человека с уникальным характером, свободного и независимого.

С возрастом и изменением обстоятельств стиль человека может меняться, но в целом, когда формируется индивидуальный стиль письма, он остаётся узнаваемым, и всегда можно найти следы его уникальности.

Особенно те, кто обладает ярко выраженным стилем, словно рассказывают о своей личности через каждую строку, и это вряд ли может измениться кардинально.

Теперь это стало «доказательством» для окончательного решения Линь Яньхуна.

Его беспокоило то, что даже в этой жизни, получив древний нефрит и находящийся в нём Суйми-цзецзы с древним свитком, он всё равно не мог остановить «злодеяния» Линь Яньсина.

На поэтическом собрании любования лотосами он всё равно произнёс строки «Из грязи выходит, но не запачкается, в чистой воде омывается, но не теряет своей чистоты». Линь Яньхун ещё не успел проверить, есть ли это в древнем свитке, но был уверен, что Линь Яньсин не мог сочинить это сам.

Это означало, что Линь Яньсин по-прежнему каким-то неизвестным способом получал доступ к этим стихам.

«Неужели Линь Яньсин тоже переродился?»

Линь Яньхун подумал об этом, но решил, что это маловероятно. Если бы он тоже переродился, он бы не оставил древний нефрит без внимания.

Кроме того, Линь Яньхун, благодаря своему «предвидению», жил всё лучше, а Линь Яньсин,

напротив, испытывал трудности, что не похоже на действия человека, который мог бы «планировать всё заранее».

Но, даже не понимая, как это произошло, Линь Яньхун решил отомстить Линь Яньсину и, что важнее, восстановить справедливость для Ли Бая, чьё место рождения оставалось неизвестным.

Он твёрдо решил не позволить этому хитрецу и обманщику присвоить достижения Ли Бая и украсть заслуженное им восхищение и вечную славу!

Конечно, это касалось и других поэтов, чьи имена были в древнем свитке, но о жизни которых ничего не было известно. Их работы тоже не должны были быть украдены и использованы для обмана!

...

Чжан Цзяньи, увидев, что Линь Яньхун снова задумался, глядя на первую страницу, подумал, что тот «загипнотизирован», но это не удивило его.

Однако, после долгого ожидания и отсутствия реакции, он не выдержал и тихо спросил:

— Ну как?

Линь Яньхун очнулся и посмотрел на Чжан Цзяньи:

— Откуда это?

Ему нужно было «притвориться незнающим», чтобы выглядеть правдоподобно.

Чжан Цзяньи, увидев, что он наконец «не терпится» узнать, быстро ответил:

— Кто-то нашёл это в книге в Башне Императорских Книг, оно было заложено в трактате.

Башня Императорских Книг ежедневно посещалась множеством людей, и хотя там было четыре учителя, они не всегда находились внутри и не могли следить за каждым стеллажом и каждым учеником.

Ученики, входящие в Башню, должны были регистрировать свои имена, и им запрещалось выносить что-либо, но такую маленькую книжку легко было пронести незаметно.

Поэтому, когда кто-то нашёл этот сборник стихов и он начал распространяться, найти источник было невозможно.

Линь Яньхун, выслушав описание Чжан Цзяньи, зная о различных смешных догадках, спросил, притворяясь незнающим:

— Неужели такое бывает? Тогда владелец, вероятно, не хочет раскрывать себя, возможно, у него есть причины... Но кто же этот Ли Бай?

Ляо Сыян, услышав разговор Чжан Цзяньи и Линь Яньхуна, подумал, что если дать Чжан Цзяньи продолжать, Линь Яньхун услышит ещё больше фантастических «версий», поэтому взял на себя объяснение:

— Этот сборник только начал распространяться, но пока никто не знает, кто он такой.

— Неужели даже учителя не знают?

Одной из причин, по которой Линь Яньхун решил сначала опубликовать стихи Ли Бая, было его собственное невежество, поэтому он хотел узнать у образованных учителей академии, возможно ли найти этого неизвестного великого поэта.

Ляо Сяян покачал головой:

— Пока что никто не знает.

Если даже учителя Академии Цинтун не знают его, то он, вероятно, слишком загадочен, и вряд ли в стране найдётся много людей, которые знают, кто он такой.

— Однако, по стилю можно предположить, что Ли Бай бывал в северных провинциях, но, похоже, он не местный...

Ляо Сяян рассказал о догадках учителя Цэня из павильона Чунвэнь:

— В этом сборнике всего двенадцать стихов, но информации слишком мало. Возможно, если учителя продолжат изучать его, они смогут найти что-то новое.

Линь Яньхун кивнул в знак согласия.

Если Ли Бай не был уроженцем области Лян, а, возможно, из области Юн или Цзин, то, когда сборник станет более известным, кто-то, вероятно, услышит о нём.

<http://bllate.org/book/17693/1651476>